

**«АВТОРСКИЕ МИКРОТЕКСТЫ» В ПРИЖИЗНЕННОМ ПОЛНОМ
СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

В предыдущих публикациях [7], [9], [10], [11] мы уже писали о том, что полные собрания сочинений как вид издания нуждаются в специальном историко- и теоретико-литературном изучении, так как принадлежат к плохо исследованным метатекстовым образованиям. Думается, наибольший научный интерес среди них представляют *авторизованные прижизненные полные собрания сочинений* (заметим, что книговеды не учитывают их в известных классификациях [4]), завершённые и переиздававшиеся. Несмотря на недостатки (относительность полноты, слабость текстологической подготовки, ошибки, опечатки и адресованность прежде всего массовому читателю), такие издания ценны, поскольку отражают авторскую волю и оценку писателем собственного наследия. Без тщательного анализа данных изданий невозможно достичь глубокого понимания личности автора, его творчества и в конечном счёте подготовить академическое полное собрание сочинений. Выбор Д.С. Мережковского в этой связи закономерен: теоретики литературы крайне редко обращаются к творчеству писателя, а его прижизненные полные собрания сочинений никогда не рассматривались отдельно [6], [8].

Мережковский – один из немногих авторов, кому удалось при жизни выпустить два «Полных собрания сочинений». Первое – в 17 томах (СПб.; М.: М.О. Вольф, 1911 – 1913), второе – в 24-х (М.: И.Д. Сытин, 1914. – «Библиотека “Русского Слова”»). В дальнейшем для краткости будем говорить о ППСС-1 и ППСС-2 соответственно. Оба издания относятся к разряду завершённых, но не переиздававшихся¹. Если иметь в виду не только целевую аудиторию, но также качество подготовки текстов и справочный аппарат, то типологически ППСС-1, безусловно, является массовым, а ППСС-2 – научно-массовым (несмотря на некоторые погрешности: ошибки, опечатки, неточности). В историческом срезе эти издания следует охарактеризовать как доакадемические, хотя академическое полное собрание сочинений Мережковского до сих пор не подготовлено. На сегодняшний день мы имеем только массовые и научно-массовые издания: Мережковский Д.С. Собрание сочинений. В 4 т. / Сост. и общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: Правда, 1990. Мережковский Д.С. Собрание сочинений. В 4 т. / Вступ. ст. [в 1 т.] В. Макарова. М.: Книжный Клуб Книговек,

¹ Если не считать «Полное энциклопедическое собрание сочинений» Мережковского на DVD-ROM: Версия 2.0 – («Электронная библиотека»): ИДДК.

2011.² Мережковский Д.С. Собрание сочинений. [Т. 1] Иисус неизвестный / Редкол.: О.А. Коростелев и др. М.: Республика, 1996. Мережковский Д.С. Собрание сочинений. [Т. 2] Лица святых от Иисуса к нам / Редкол.: О.А. Коростелев и др. М.: Республика, 1997. Мережковский Д.С. Собрание сочинений. [Т. 3] Тайна Трех / Сост. и подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1999. Мережковский Д.С. Собрание сочинений. [Т. 4] Данте. Наполеон / Редкол.: О.А. Коростелев и др. М.: Республика, 2000. Мережковский Д.С. Собрание сочинений. [Т. 5] Реформаторы. Испанские мистики / Редкол.: О.А. Коростелев и др. М.: Республика, 2002. Мережковский Д.С. Собрание сочинений. [Т. 6] Грядущий Хам / Сост. и коммент. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. Мережковский Д.С. Собрание сочинений. [Т. 7] Больная Россия / Сост. и коммент. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2011. Даже поверхностное сопоставление ППСС-1 и ППСС-2 с точки зрения состава (второе значительно полнее первого) и качества подготовки текстов (отсутствие/наличие справочного аппарата) позволяет нам сосредоточиться на последнем прижизненном собрании для наблюдений и выводов.

С позиции интерпретирующей поэтики изучение ППСС-2 представляет выявление содержательных моментов этой полисемантической структуры, собственно формальных моментов, отражающих в своем единстве творческую волю автора, но главное – установление связей между ними. Формально-содержательные связи на предметном, композиционном и словесном уровнях в данном случае выходят на первый план, поскольку они обеспечивают целостность всей конструкции. При этом композиционный уровень является доминантным для анализа содержательной формы. Как и любое прижизненное полное собрание сочинений, ППСС-2 не относится к художественной циклизации³, а является типологической разновидностью литературных метатекстов (ансамблевых, или составных текстовых, образований) [1]. Следовательно, произведения в собрании перестают быть равными себе, а отношения между ними выстраиваются по принципу монтажа (в расширенном понимании этого термина): *«...два каких-либо куска, поставленные рядом, неминуемо соединяются в новое представление, возникающее из этого*

² Хотя этот четырехтомник полнее предыдущего (за счет незначительного расширения корпуса стихотворений и включения исследования «Гоголь и черт»), качество его подготовки существенно ниже. Научно-справочный аппарат сводится в нем к популярной вступительной статье в первом томе, которая содержит грубые фактические ошибки, и алфавитному указателю произведений, вошедших в данное собрание сочинений.

³ Несмотря на поверхностное сходство, ППСС-2 не может рассматриваться как форма художественной циклизации по совокупности содержательных и конституирующих примет. В отличие от циклических образований, прижизненное полное собрание сочинений более широкое понятие. Во-первых, оно включает в себя тексты независимо от их родо-видовой принадлежности (здесь может быть и эпос, и лирика, и драма, и нехудожественные произведения) или особенностей речевой структуры (возможно наличие и стихотворных, и прозаических текстов), а во-вторых, прижизненное полное собрание сочинений в рамках творческого наследия одного писателя не противопоставлено более широкому корпусу текстов (за исключением другого собрания того же автора, выпущенного позднее предыдущего). Таким образом, прижизненные полные собрания сочинений стоят над циклическими образованиями и могут включать их в себя. Соответственно, мы не вправе говорить о прижизненном полном собрании сочинений как новом жанре (по аналогии с книгой стихов в поэзии Серебряного века) и художественном единстве в традиционном смысле этого понятия.

*сопоставления как новое качество» [12:157]. Сопоставление двух монтажных кусков, по словам С.М. Эйзенштейна, больше похоже не на сумму, а на произведение: «На произведение – в отличие от суммы – оно походит тем, что *результат сопоставления качественно* (измерением, если хотите, степенью) всегда отличается от каждого слагающего элемента, взятого в отдельности» [12:158]. Режиссер поясняет, что «это отнюдь не сугубо кинематографическое обстоятельство, а явление, встречающееся неизбежно во всех случаях, когда мы имеем дело с сопоставлением двух фактов, явлений, предметов» [12:157]. В том числе – литературных произведений.*

Таким образом, единство композиции ППСС-2 поддерживается не только с помощью ассоциативных связей, но и на границах отдельных произведений, циклов и сборников, сопоставимых с монтажными кусками. При этом «стыки» (места «склеивания»), нуждаются в наиболее пристальном внимании. «Стык элементов, – пишет А.Г. Раппапорт, – проблема актуальная для всех типов монтажа» [3:16]. Особую значимость она приобретает в том случае, когда расположением произведений внутри собрания занимался сам автор. В этой связи внимание следует обратить на «авторские микротексты», участвующие в монтаже: названия, подзаголовки произведений и разделов, эпитафии, посвящения и др. На материале символистских поэтических изданий Г.А. Толстых показывает важность таких микротекстов не только в качестве композиционных скреп: «Они интерпретировали отношение поэта к собственным произведениям, выявляли общий авторский замысел книги, насыщали текст дополнительным содержанием, связывали его отдельные части воедино» [5:215]. Не меньшую структурообразующую роль берут на себя начало и конец как маркированные позиции текстов, то есть речь здесь идет не только о рамочных компонентах.

Прежде чем перейти к примерам, воспроизведем для наглядности структуру ППСС-2 Мережковского:

Т. I. Содерж.: [От автора]. Христос и Антихрист. Трилогия: I. Смерть богов (Юлиан Отступник); примечания.

Т. II. Содерж.: Христос и Антихрист. Трилогия: II. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Кн. I – IX.

Т. III. Содерж.: Христос и Антихрист. Трилогия: II. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Кн. X – XVII; примечания.

Т. IV. Содерж.: Христос и Антихрист. Трилогия: III. Антихрист (Петр и Алексей). Кн. I – V.

Т. V. Содерж.: Христос и Антихрист. Трилогия: III. Антихрист (Петр и Алексей). Кн. VI – X, эпилог; примечания.

Т. VI. Содерж.: Павел I; Александр I, ч. I – II, гл. I – II; примечание.

Т. VII. Содерж.: Александр I, ч. II, гл. III – V, ч. III – IV.

- Т. VIII. Содерж.: Александр I, ч. V – VI; примечание.
- Т. IX. Содерж.: Исследования: Л. Толстой и Достоевский: Жизнь и Творчество: Вступление, ч. I: Жизнь Л. Толстого и Достоевского.
- Т. X. Содерж.: Исследования: Л. Толстой и Достоевский: Жизнь и Творчество, ч. II: Творчество Л. Толстого и Достоевского.
- Т. XI. Содерж.: Исследования: Л. Толстой и Достоевский: Религия, ч. I.
- Т. XII. Содерж.: Исследования: Л. Толстой и Достоевский: Религия, ч. II; примечания.
- Т. XIII. Содерж.: Не мир, но меч: К будущей критике христианства (содерж.: Меч. Революция и религия. Последний святой. Ответ на вопрос. Предисловие к одной книге); примечания.
- Т. XIV. Содерж.: Грядущий Хам (содерж.: Грядущий Хам. Желтолицы позитивисты. Чехов и Горький. Теперь или никогда. Страшный суд над русской интеллигенцией. Св. София. О новом религиозном действии: Открытое письмо Н.А. Бердяеву. Пророк русской революции: К юбилею Достоевского).
- Т. XV. Содерж.: Больная Россия (содерж.: Зимние радуги. Конь бледный. Иваныч и Глеб. Головка виснет. Семь смиренных. К соблазну малых сих. Сердце человеческое и сердце звериное. Борьба за догмат. Аракчеев и Фотий. Елизавета Алексеевна. Пророчество и провокация. Душа Сахара. Свинья-матушка. Земля во рту. Когда воскреснет); Гоголь; примечания к XIV и XV томам.
- Т. XVI. Содерж.: В тихом омуте (содерж.: В обезьяньих лапах: О Леониде Андрееве. Асфодели и ромашка. Красная Шапочка. Еще о «Великой России». Цветы мещанства. Христианские анархисты. Реформация или революция? Христианство и государство. Бес или Бог? Мистические хулиганы. Немой пророк. Христианство и кесарианство. Лев Толстой и церковь. Лев Толстой и революция); М.Ю. Лермонтов: Поэт сверхчеловечества; примечания.
- Т. XVII. Содерж.: Вечные спутники (содерж.: [От автора]. Акрополь. Трагедия целомудрия и сладострастия. Марк Аврелий. Плиний Младший. Кальдерон. Сервантес. Гете. Монтань. Флобер. Ибсен).
- Т. XVIII. Содерж.: Вечные спутники (содерж.: Достоевский. Гончаров. Тургенев. Майков. Пушкин); О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы (содерж.: I. Русская поэзия и русская культура. II. Настроение публики. Порча языка. Мелкая пресса. Система гонимых. Издатели. Редакторы. III. Современные русские критики. IV. Начала нового идеализма в произведениях Тургенева, Гончарова, Достоевского и Л. Толстого. V. Любовь к народу: Кольцов, Некрасов, Глеб Успенский, Н.К. Михайловский, Короленко. VI. Современное литературное поколение); примечания.
- Т. XIX. Содерж.: Итальянские новеллы (содерж.: Любовь сильнее смерти).

Наука любви. Железное кольцо: Новелла XV века. Рыцарь за прялкой: Новелла XV века. Превращение: Флорентинская новелла XV века. Микеланджело. Святой сатир: Флорентинская легенда: Из А. Франса. Дафнис и Хлоя: Повесть Лонгуса); примечания.

Т. XX. Содерж.: Вместо предисловия (К трагедии «Эдип-царь»); Эсхил. Скованный Прометей; Софокл. I. Эдип-царь. II. Эдип в Колоне.

Т. XXI. Содерж.: Софокл. III. Антигона; Эврипид. I. Медея. II. Ипполит; примечания к XX и XXI томам.

Т. XXII. Содерж.: Стихотворения: 1883 – 1910; Поэмы и легенды; Эскизы. Лирика; примечания.

Т. XXIII. Содерж.: Символы (песни и поэмы).

Т. XXIV. Содерж.: Старинные октавы; Стихотворения последних годов; Изречения китайской мудрости; Автобиографическая заметка; Хронологический указатель произведений и литературы о произведениях Д.С. Мережковского; Алфавитный указатель произведений Д.С. Мережковского; Содержание полного собрания сочинений Д.С. Мережковского.

Материал ППСС-2, расположенный по преимуществу систематически, тесно связан «авторскими микротекстами». Заключительные слова первой части трилогии «Христос и Антихрист» («Но в сердце Анатолия, Аммиана и Арсиной, как незаходящее солнце, уже было великое веселие Возрождения» [2,I:352]) перебрасывают мост к следующему роману «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», события которого разворачиваются в эпоху Ренессанса. В финале второй части трилогии мы видим, как Евтихий, вспомнив свой сон, взял кисть и написал на белом свитке Предтечи Крылатого: *«Вот Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете. Вот Он идет»* [2,III:389]. Образ иконописца и русская тема, заявленная в заключение романа «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)»⁴, подготавливают читателя к тексту, завершающему трилогию. Вместе с тем последние слова являются библейской цитатой (впервые – Мал. 3:1, позднее – Мат. 11:10, Мр. 1:2, Лук. 7:27), предвещающей главную мысль следующего романа: отказ от идеи примирения Христа и Антихриста, окончательный выбор в пользу Христа (он же – Господь и Ангел завета). «Осанна! Антихриста победит Христос» [2,V:288] – вот последняя фраза трилогии, которую как «вечную песнь Грядущему Господу» воплощает Тихон, «спускавшийся с горы, как бы летевший навстречу солнцу» [2,V:288]. Образ «летающего» героя наряду с заглавием заключительной книги романа (в тексте значится как эпилог) –

⁴ Образ Евтихия – не единственный. В конце произведения читатель узнает, что весной 1517 года в Амбуазе проходили торжества по случаю рождения сына у Франциска I и среди послов различных государств Европы ожидался русский – Никита Карачьяров, находившийся в Риме при дворе Папы Льва X, который «давно вступил в сношение с великим князем Московии, Василием Иоанновичем» [2,III:326]. Никита Карачьяров, в свою очередь, проезжая через Милан вместе с Даниилом Мамыревым, «присутствовал на празднике Золотого Века и беседовал с Леонардо о Московии» [2,III:327].

«Христос Грядущий» – отсылает к такой же финальной книге предыдущего текста, которая называется «Смерть. – Крылатый Предтеча».

Пьеса «Павел I» завершается всеобщим возгласом: «Ура! Ура! Ура! Александр!» [2,VI:149] – в котором озвучено не только имя будущего императора, но и заглавие идущего следом романа. Еще одно связующее звено между двумя текстами – в начальной сцене «Александра I». Когда князь Валерьян Михайлович Голицын вошел в министерскую приемную, «большую, мрачную комнату с окнами на Михайловский замок (последнее место действия пьесы “Павел I” – А.Х.), так и пахло на него запахом прошлого, вечную скукою повторяющихся снов» [2,VI:153]. О неслучайности этого эпизода свидетельствует почти дословный повтор в другой главе: «Опять, как давеча, в приемной у дядюшки, пахло на него (Голицына – А.Х.) знакомым запахом прошлого, вечную скукою повторяющихся снов» [2,VI:163]. Стоящее дальше исследование «Л. Толстой и Достоевский» сопровождается общим «Вступлением» и «Предисловием» к части «Религия», которые вербализуют переход от исторических тем предшествовавших произведений к современной эпохе и критико-публицистическим работам Мережковского с религиозно-общественной проблематикой.

Сборник «Не мир, но меч. К будущей критике христианства» открывается статьей «Меч» с эпитафией «Не мир пришел Я принести, но меч» (Мат. 10:34). Эти слова пришедшего Господа воспринимаются как логичное продолжение призыва, заключающего трактат «Л. Толстой и Достоевский»: «Ей, гряди, Господи!» [2,XII:272] В конце же сборника стоит «Предисловие к одной книге», которое закрывается утверждением веры автора в то, что в голосе русской революции «зазвучит над старым европейским кладбищем труба архангела, возвещающая страшный суд и воскресение мертвых» [2,XIII:166]. В свою очередь, название следующей книги статей – «Грядущий Хам» – заставляет нас вновь вспомнить об «Апокалипсисе» и образе Зверя, Антихриста, которого, по словам Мережковского, «победит лишь Грядущий Христос» [2,XIV:39]. Эпитафия к статье «Зимние радуги» – первой в сборнике «Больная Россия» («9 января 1905 года над Петербургом видны были радуги. Великие события того дня связывались в народной молве с этим небесным знаменьем» [2,XV:5]) – напрямую соотносится с предыдущим текстом, «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)», представляющим, в частности, интерпретацию революционных событий. Последняя статья этого сборника, «Когда воскреснет», содержит в конце предположение: «Да, может быть, недаром в день Воскресения воскресший Гоголь снова, как некогда, падает к нашим ногам и вопит раздирающим сердце воплем: “хотя бы только пожелать так!..”» [2,XV:184] – а далее в томе располагается исследование «Гоголь», целиком посвященное классику в свете современности. В этом

смысле оно не выглядит инородным перед публицистическим сборником «В тихом омуте», монографической работой о Лермонтове, который, как пишет Мережковский, «входит и в наше настоящее, в нашу сегодняшнюю злобу дня: ведь спор с христианством – наш сегодняшний неоконченный спор» [2, XVI:202], и книгой статей «Вечные спутники» (в нее, согласно вступительному слову, включены работы о личностях, которые «для каждого времени – современники» [2, XVII:5]). «В настоящее время, – читаем в очерке “Пушкин”, – мы переживаем эту “черную осень”, этот невидимый ущерб – убыль пушкинского духа в нашей литературе» [2, XVIII:171]. Процитированные слова не просто завершают сборник «Вечные спутники», они корреспондируют с тональностью размещенного дальше манифеста «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», к последним строкам которого («Он (Дух Божий – А.Х.) сильнее человеческой воли и разума, сильнее жизни, сильнее самой смерти» [2, XVIII:275]) отсылают название и смысл рассказа «Любовь сильнее смерти», открывающего идущий затем цикл «Итальянские новеллы». Включенные в него тексты (литературные переложения и переводы) стоят в одном ряду с опубликованными в следующих томах переводами античных трагедий, изречений китайской мудрости и разными стихотворными переложениями в поэтических сборниках.

Наконец, включает издание «Автобиографическая заметка», которая семантически перекликается с авторским предисловием к ППСС-2 (видимо, так «внутренние» переживания и «внешняя» деятельность Мережковского должны составить в сознании читателя гармоничное целое) и вместе с ним выполняет обрамляющую функцию, вызывая ощущение завершенности и относительной полноты издания. Из сказанного можно заключить, что установка писателя на единство восприятия его произведений («...Между этими книгами, несмотря на их разнородность, иногда разногласие, существует неразрывная связь. Это – звенья одной цепи, части одного целого. Не ряд книг, а одна, издаваемая только для удобства в нескольких частях. Одна – об одном» [2, I:V]) реализуется с помощью как содержательных, так и формальных, обнаженных благодаря «авторским микротекстам», связей. В то же время нельзя забывать, что субъектом, легитимизирующим единство ППСС-2, как и любого другого метатекста, является не автор, а читатель, способный соотнести данные ему произведения. Иначе говоря, автор и читатель – это те два полюса, между которыми протянута ось целостности издания как большой формы, то есть сложно организованного структурно-семантического единства, ведущими для формирования которого являются не всегда художественные, но эстетические по своей природе принципы. Их тщательное исследование – одна из перспективных задач.

Литература

1. Киселев В.С. Статьи по теории и истории метатекста (на материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века) / В.С. Киселев //

- Вестник Томского гос. ун-та. Бюллетень оперативной науч. информации. – Томск. – 2004. – № 23. – Март. – С. 6 – 107.
2. Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений / Дмитрий Сергеевич Мережковский [Т. I – XXIV.] М.: И.Д. Сытин, 1914.
 3. Раппапорт А.Г. К пониманию поэтического и культурно-исторического смысла монтажа / А.Г. Раппапорт // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. – М.: Наука, 1988. – С. 14 – 22.
 4. Типология изданий. – М.: Кн. палата, 1990. – 230 с.
 5. Толстых Г.А. Книготворческие взгляды русских поэтов-символистов / Г.А. Толстых // Книга: Исследования и материалы. – Сб. 68. – М.: Терра, 1994. – С. 209 – 229.
 6. Холиков А.А. Мережковскоеведение: становление, развитие и современное состояние / А.А. Холиков // Библиография. – 2011. – № 4. – С. 114 – 122.
 7. Холиков А.А. Научно-справочный аппарат в прижизненных полных собраниях сочинений русских писателей (к постановке проблемы) / А.А. Холиков // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153. – Кн. 2. – С. 38 – 45.
 8. Холиков А.А. Основные научные работы о Д.С. Мережковском: материалы к библиографии / А.А. Холиков // Вестник ПСТГУ III: Филология. – 2011. – Вып. 2 (24). – С. 107 – 168.
 9. Холиков А.А. Полные собрания сочинений русских писателей: вопросы истории и типологии / А.А. Холиков // Обсерватория культуры. – 2011. – № 2. – С. 116 – 123.
 10. Холиков А.А. «Полное собрание сочинений русских писателей: вопросы истории и типологии». Приложение к статье / А.А. Холиков // Обсерватория культуры. – 2011. – № 3. – С. 126 – 127.
 11. Холиков А.А. Принципы научного изучения прижизненных полных собраний сочинений русских писателей / А.А. Холиков // Филологические науки. – 2011. – № 3. – С. 15 – 25.
 12. Эйзенштейн С. Монтаж 1938 // Эйзенштейн С. Избранные произведения: в 6 тт. – Т. 2. – М.: Искусство, 1964. – 568 с.

Анотація

О.А. Холиков. «Авторські мікротексти» у прижиттєвій повній збірці творів Д.С. Мережковського (до постановки проблеми).

У запропонованій статті друга прижиттєва «Повна збірка творів» (1914) Мережковського розглядається у якості прикладу типологічного різновиду літературних метатекстів. Для аналізу їх змістовної форми домінантним є композиційний рівень. Основна теза дослідника зводиться до того, що єдність композиції підтримується не тільки за допомогою асоціативних зв'язків, але й завдяки «авторським мікротекстам», що беруть участь у «монтажі» та

викликають у читача відчуття зовнішньої завершеності та відносної повноти усього видання.

Ключові слова: теорія літератури, Д.С. Мережковський, «авторські мікротексти», прижиттєва збірка творів.

Аннотация

А.А. Холиков. «Авторские микротексты» в прижизненном полном собрании сочинений Д.С. Мережковского (к постановке проблемы).

В публикуемой статье второе прижизненное «Полное собрание сочинений» (1914) Мережковского рассматривается в качестве примера типологической разновидности литературных метатекстов, для анализа содержательной формы которых доминантным является композиционный уровень. Основной тезис исследователя сводится к тому, что единство композиции поддерживается не только с помощью ассоциативных связей, но также благодаря «авторским микротекстам», участвующим в «монтаже» и вызывающим у читателя ощущение внешней завершенности и относительной полноты всего издания.

Ключевые слова: теория литературы, Д.С. Мережковский, «авторские микротексты», прижизненное полное собрание сочинений.

Summary

A.A. Kholikov. «Author's microtexts» in D.S. Merezhkovsky's lifetime complete works (to problem statement).

In the article Merezhkovsky's second lifetime «Complete works» (1914) are considered as an example of a typological version of literary metatexts. For the analysis of its substantial form the composition is priority. According to the researcher, the unity of composition is supported thanks to «author's microtexts» which participate in «installation» and cause in the reader feeling of external completeness and relative completeness of all edition.

Key words: theory of literature, D.S. Merezhkovsky, «author's microtexts», lifetime complete works.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати д. ф. н., проф. Е.А. Андрущенко.